УДК 392+82
ББК 70(4Гем=253)51+
80(4Гем=253)51

ГЕРМАНИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЕ СИБИРИ

© 2018 г. Мишель Эспань

*Национальный центр научных исследований
Франции, Эколь нормаль сьепьер, Лабекс «ТрансферS»
Париж, Франция*

Дата поступления статьи: 28 ноября 2017 г.

Дата публикации: 25 сентября 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-232-253

Аннотация: В эпоху Просвещения целый ряд немецких ученых, находившихся в то время на службе Российской империи, начинает научное исследование Сибири в составе «Великой Северной экспедиции» (1733–1743), дело которой было продолжено впоследствии другими исследователями. Иоганн Георг Гмелин, Карл Генрих Мерк, Георг Вильгельм Штеллер, Герхард Фридрих Мюллер, Петер Симон Паллас сосредоточили свое внимание на религиозных практиках, языках и повседневной жизни различных этнических групп Сибири, которые они встречали на своем пути. Их описания, остававшиеся долгое время неизданными, поскольку формально считались собственностью Российской академии наук, были не только ценнейшим вкладом в создание русской идентичности, осмысленной как часть евразийского пространства, но легли также в основу новых наук, таких как антропология и лингвистика. Эти науки в свою очередь можно рассматривать как продукт синтеза традиций немецкой университетской науки и не исследованного до той поры сибирского пространства, которое еще только предстояло в полной мере осмыслить.

Ключевые слова: Сибирь, Алтай, антропология, шаманизм, лингвистика, история гуманитарных наук, русские немцы.

Информация об авторе: Мишель Эспань, профессор, директор Лабекс «ТрансферS» (Национальный центр научных исследований Франции — Эколь нормаль сьепьер) и лаборатории «Немецкоязычные страны — Культурный трансфер» (UMP 8547). 45 рю д'Ульм, 75005 г. Париж, Франция.

E-mail: michel.espagne@ens.fr

Для цитирования: Эспань М. Германия эпохи Просвещения и изучение Сибири // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 3. С. 232–253.
DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-232-253

ENLIGHTENMENT GERMANY AND THE INVENTION OF SIBERIA

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018. Michel Espagne

*ENS – CNRS,
Labex TransferS
Paris, France*

Received: November 28, 2017

Date of publication: September 25, 2018

Abstract: During the period of German Enlightenment, German scholars at service in the Russian state began scientific exploration of Siberia and organized the “Great northern expedition” (1733–1743) which was later completed by other researchers. Johann Georg Gmelin, Carl Heinrich Merck, Georg Wilhelm Steller, Gerhard Friedrich Müller, and Peter Simon Pallas among others focused on the religious life, languages and everyday life of the Siberian ethnic groups they encountered. Their accounts remained for a long time unpublished as they were a “formal” property of the Russian Academy of Sciences. Not only are they a valuable contribution to the invention of Russian identity conceived as part of the Eurasian space, they also form the basis of new sciences such as anthropology and linguistics resulting from the contact between German universities and the widely unexplored Siberian world.

Keywords: Siberia, Altai, anthropology, shamanism, linguistics, history of the humanities, Russian Germans.

Information about the author: Michel Espagne, Professor, Director of the Labex TransferS (ENS-CNRS) and of the UMR “Pays germaniques-Transferts culturels/Archives Husserl” (UMR 8547), 45 rue d’Ulm, 75005 Paris, France.

E-mail: michel.espagne@ens.fr

For citation: Espagne M. L’Allemagne des Lumières et la science de la Sibérie (Enlightenment Germany and the Invention of Siberia). *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 3, pp. 232–253. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-232-253

В XIX в. в составе Российской академии наук мы находим немалое количество ученых, получивших образование в немецких университетах. Начиная с Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735), немецкого медика и ботаника на русской службе, и вплоть до Вильгельма Радлова (1837–1918), изучавшего эпос тюркских народов, Сибирь открывали и описывали нередко ученые немецкого происхождения. Порой их исследования составляли часть великих географических экспедиций. Такой была, в частности, экспедиция 1733–1743 гг., в которой участвовали одновременно Герхард Фридрих Миллер (Мюллер) (1705–1783), Иоганн Георг Гмелин (1709–1755) и Георг Вильгельм Стеллер (Штеллер) (1709–1746), позже результаты ее дополнил Карл Генрих Мерк (1761–1799). Интересно отметить, что одну из величайших экспедиций в Сибирь уже XX в., так называемую *Jesup North Pacific Expedition* (Северо-Тихоокеанскую экспедицию Джесупа, 1897–1902), возглавил немецко-американский антрополог, наследник братьев Гримм и Вильгельма Гумбольдта, Франц Боас. В XVIII в. немецкие ученые могли также участвовать, как это было в случае с Симоном Палласом (1741–1811), в обширных исследованиях, принятых по инициативе Екатерины II для обследования мало известных регионов Российской империи (см.: [2]). Наконец, можно также указать на то, что многие профессора Дерптского (Тартуского) университета были авторами работ о флоре и фауне Сибири. Создается впечатление, что начиная с XVIII в. в России развивается отрасль немецкой науки, объектом которой становится Сибирь, но которая использует интеллектуальный инструментарий, унаследованный ею от немецких университетов, ориентированный притом в основном на изучение народов нерусского проис-

хождения, населявших сибирское пространство. Так появляется немецкий взгляд на Сибирь и попытка ее «немецкого» описания.

В отличие от истории европейских народов, история народов, населяющих Сибирь, долгое время не имела временного измерения и избегала вопросов, касающихся поиска культурной идентичности той или иной этнической группы. В Сибири речь более шла об истории циркуляций, заимствований, вкраплений и метисаций. Ученые отмечали, например, что у ханты-мансийцев, народа финно-угорской группы, можно легко обнаружить лексику для обозначения текстиля, идентичную татарской [3, р. 13]. Киргизы говорят на тюркском языке, но язык этот принадлежал, скорее всего, древней элите населения, состоявшего в большинстве своем из племен кетов и самоедов [3, р. 23]. Русская колонизация заставила население эвенков и тунгусов покинуть берега Ангары и Лены и переместиться на север, в то время как эвенки, кеты и самоеды, жившие на территории, простиравшейся от Иркутска до Красноярска, переместились на юг, чтобы ассимилироваться на пространстве Алтая с населением тюркского происхождения [3, р. 175]. В лесотундре, в субарктическом поясе, смогла возникнуть в результате смешанных браков между эвенками и якутами новая популяция, говорившая по большей мере на якутском языке с некоторыми словарными заимствованиями из эвенкского языка. Их манера одеваться отвечала в равной степени якутской и эвенкской традиции. Коми, уральский народ, постепенно завоевывал территорию ненцев, некоторые из которых усвоили язык коми как родной. К этим примерам миграции населения следовало бы добавить историю двух миллионов русских (славян), которые в период между 1896 и 1912 гг. переместились с запада на Восточный Урал. Именно русские, хотя и довольно поздно, проявили интерес к сибирским народам. Владимир Богораз был одним из первых членов советского «Комитета содействия народам северных окраин» («Комитета Севера»), созданного в 1924 г. при Президиуме ВЦИК, в задачи которого входило среди прочего создание письменных языков. А уже в 1930 г. в Якутии выходило двенадцать якутских газет, печатавшихся с использованием алфавита, незадолго до того унифицированного на основе тюркского. Более 100 000 евреев переселились в Биробиджан в 1930-е гг., их официальным языком стал идиш [3, р. 326].

В этом регионе Восточной Сибири этнические наслоения были особенно сложными, поскольку тунгусы, эвенки и родственные им маньчжуры

представляют собой многочисленную группу, конкурирующую с гораздо менее многочисленным народом нивхи (устар.: гиляки), которые, со своей стороны, родственны курильским и японским айну (айны). Существуют также и другие региональные этносы, как, например, ительмены (или камчадалы), коренное население Камчатки. Перемещение народов имеет следствием циркуляцию языков, но также и религиозных практик. Так, буряты, северный монгольский народ, исповедующий буддизм, будучи самой многочисленной из сибирских нерусских народностей (и второй после русского населения Сибири), представляют собой, конечно же, ламаистскую разновидность буддизма, однако свойственные им шаманские практики, восходящие к более древнему пласту верований, свидетельствуют о еще более сложной истории их происхождения.

Уже в XVIII в. историк Герхард Фридрих Миллер в своих трудах о Сибири обращал особое внимание на происходившие там процессы ассимиляции между различными сибирскими этносами [6, S. 253]. Иоганн Георг Гмелин все в том же XVIII в. с особым вниманием исследует этнические скрещения на сибирской почве. Остиаки и татары встречаются в районе реки Енисей [4, S. 144]. Гмелин интересуется то, как тунгусы адаптируются в якутской среде [4, S. 191–193], как монголы естественно превращаются в верноподданных русского царя [4, S. 179] и как выстраиваются отношения между китайцами и русскими в приграничных территориях [4, S. 172–173].

Этнические имбрикации особенно были сильны в районе Алтая и Тувы. Кеты и самоеды в результате ассимиляции с тюркскими племенами составили субэтнос алтае-саян. На протяжении многих веков они несли в себе след монгольского вторжения Чингиз хана в XIII в. Монгольское влияние нашло отражение в физическом облике населения, и если тюркские языки в районах Алтая и Тувы получили наибольшее распространение, то вместе с тем пласт монгольской лексики оставался в них весьма значительным [3, p. 24]. В монгольском ханате Дзунгари, контролировавшем Алтайский край в XVII–XVIII вв., для обозначения местных самоедов и тюркских народов использовали слово «ураанхай». Ханат находился в состоянии постоянной конфронтации как с китайской династией маньчжуров, так и с Тибетом. В конце концов Дзунгари вошел в состав Китая, который Алтайский регион вообще воспринимал как периферийную часть собственной территории.

Русское население Алтая вплоть до 1860-х гг. было представлено в основном старообрядцами. Затем этот край стал местом, куда стекались миссионеры, открывавшие здесь школы, в то время как параллельно, вокруг бурханизма — «белой веры», стремившейся искоренять шаманизм, — зарождались секты. Тува, бывшая соседней с Алтаем территорией с ее тюркофонным населением кетов и самоедов, оставалась под властью монгольского ханата, прежде чем стать частью маньчжурского Китая и вернуться наконец в состав России во всей сложности своих языковых и религиозных наслоений [3, р. 224]. Буддизм, религия, появившаяся в этом крае в более поздний период, не смогла полностью вытеснить шаманскую практику. Так же как и Монголия, регион Тувы снова, в течение короткого периода времени, оказался под китайской юрисдикцией после 1918 г. [3, р. 228]. Советские власти стремились вытеснить монгольский язык, заменив его тувинским языком тюркского происхождения, использовавшим латинский алфавит [3, р. 281]. Монгольское присутствие в бывшем Дзунгари наблюдается вплоть до середины XX в.: в середине 1920-х гг. на территории Бурятии насчитывалось 47 монастырей и около 15 000 лам [3, р. 330]. Будучи местом встречи Монгольской, Маньчжурской и Российской империй и вместе с тем результатом встречи алтайской и тюркской культур, Алтайский регион в особенности демонстрирует необходимость рассматривать Сибирь, и прежде всего ее южную часть, как место культурного трансфера между этническими, языковыми и религиозными группами.

К особенностям, характеризующим межэтнические связи и перемещения в Сибирском регионе, следовало бы добавить еще и примечательную его связь с Германией. По правде говоря, эта особая связь наблюдается до наших дней. Одним из писателей, пользующихся особым успехом в современной Германии, является выходец из Монголии Галсан Чинаг. В 1960-е гг. он учился в Лейпцигском университете, где защитил диплом, посвященный творчеству Эрвина Штриттматтера. Сейчас он живет в Улан-Баторе, практикует шаманизм, принадлежа к тюркоязычному меньшинству тувинцев Алтай-Саянского региона. Действие романов Галсана Чинага, которые он пишет на немецком языке, происходит в Алтай-Саянах, т. е. на территории, находящейся на границе Монголии, России и Китая. Этому совмещению трех культурных пространств, определяющих тувинскую идентичность, посвящена его книга «Мой Алтайский край» [11], заставившая мечтать об

Алтае немало немецких читателей. Впрочем, Алтай в ней предстает как скорее культурный регион, вряд ли имеющий четко очерченные географические границы. Множество немецких литературных премий и орден Федеративной Республики Германии увенчали эту литературную работу, местом приложения которой стало сибирско-китайско-монгольское пространство Тувы.

Вообще же немецкое увлечение многочисленными народностями Сибири, встретившимися на ее территории, имеет гораздо более давнее происхождение. Его истоки относятся к XVIII в. — времени, когда Российская академия наук становится, как уже упоминалось выше, прибежищем для многих немецких ученых и когда императрица Екатерина II (будучи сама немецкого происхождения) поручает в основном немецким ученым дело обследования своей империи, описания ее ресурсов, этнических групп и языков¹.

Если второй этап изучения Сибири был связан с именем Симона Палласа, то начало немецкого обследования сибирской территории было положено Герхардом Фридрихом Миллером, деятельность которого можно рассматривать как образцовую в истории немецкого изучения России. Петр Симон Паллас отправился в путешествие по Сибири и, в частности, по Алтаю в августе 1771 г., остановившись в районе Змеиногорска [9, S. 612]. Особое его внимание привлекла геология региона, расположенного между Змеиногорском (Шлангенбергом) и Барнаулом, хотя он изучает в этом регионе также и историю горного дела и посещает развалины буддистского храма Аблайкит в окрестностях Усть-Каменогорска [9, S. 547].

Что касается Миллера, то он был сыном директора гимназии и, следовательно, принадлежал к культурной элите Германии своего времени. Он учился в Лейпцигском университете, одном из крупнейших той эпохи, и среди его профессоров был Отто Менке, издатель известнейшего научного журнала эпохи «*Akta Eruditorum*».

Миллер, как и его коллега, востоковед и историк Готтлиб Зигфрид Байер (1694–1738), прибыл в Санкт-Петербург в 1725 г. Став секретарем Российской академии наук, Миллер начинает издавать материалы

¹ Здесь необходимо напомнить, что первые карты Сибири, начиная с карт Себастьяна Мюнстера, Сигизмунда фон Герберштейна и вплоть до карт Иоганна Филиппа Табберта фон Штраленберга были делом рук немецких географов и картографов [2, с. 105].

Академии под названием «*Novi commentarii*», перенеся в русский контекст опыт, приобретенный им при работе над «*Acta Eruditorum*». Он издает также сборники статей, посвященных истории России («*Sammlung Russischer Geschichte*», 1732–1765), — первый немецкоязычный труд, знакомивший иностранцев с русской историей. Для Миллера, как и для Байера, история России была немыслима без знания географических и этнических особенностей российского пространства. В определенном смысле можно сказать, что история Российской империи дала импульс зарождению немецкой антропологии. Миллер стал частью этого процесса. Его самого рекомендовал историк и философ И.Б. Менке. По его рекомендации, а также рекомендации Антона Фридриха Бюшинга (1724–1793), одного из основателей географической науки в Германии, в Санкт-Петербург придет Август Людвиг Шлецер (1735–1809), будущий издатель и переводчик на немецкий язык «Нестора» (русских летописей «на древнеславянском языке»), первый немецкий историк России Средних веков. В этом проекте конструирования идентичности Российской империи, в основу которого кладутся исторические расследования, восточная окраина России и в особенности Сибирь приобретает все большее значение, тем более что это отвечает экономическим потребностям империи, а также необходимости геополитического ее самостоянья.

Во многом благодаря интересу, проявленному немецкими учеными к Сибири, русская история постепенно становится историей, теснейшим образом связанной с Востоком. Изучение Сибири, которое начнется в 1733 г. и продолжится вплоть до 1743 г., станет важной эпохой в истории открытия восточных регионов России. Члены экспедиции, в числе которых мы находим Иоганна Георга Гмелина и Георга Вильгельма Стеллера, имели уже заранее составленные вопросники, предвосхищавшие во многом их дальнейшее восприятие и оценку сибирских этносов, чьи нравы, искусства, религию, языки они собирались изучать [12]. В частности, Миллер в определении этнических групп и распознавании их имбрикаций опирался на лексику: язык становится у него основным отправным пунктом описания и каталогизации встреченных им народностей. Кроме того, ученые имели в своем распоряжении несколько сотен книг, составлявших обширную библиотеку, которую им пришлось восполнить, как только злосчастный пожар уничтожил часть их документации. Миллер взял на себя миссию собирания

артефактов и занялся выявлением и каталогизацией архивов, оказавшихся ему доступными в Сибири. Иоганн Георг Гмелин, родом из Тюбингена, прежде чем отправиться в Россию, был профессором Геттингенского университета. Георг Вильгельм Стеллер, бывший студент из Виттенберга, а впоследствии ботаник и зоолог, ученик и последователь уроженца города Галле Даниэля Готлиба Мессершмидта, известного ботаника, специализировавшегося на флоре Сибири, был все же прежде всего этнологом, первооткрывателем ительменов Камчатки. Бывший студент медицинского факультета Гиссенского университета Карл Генрих Мерк, который в начале 1790-х гг. станет исследовать Чукотку, также вписался в эту группу немецких ученых, отправившихся открывать Сибирь.

Немецким ученым было запрещено публиковать результаты своих исследований, полученных ими во время путешествия по Сибири, — все они считались собственностью Российской академии наук (Гмелин, последовавший совету Альбрехта фон Галлера, был одним из немногих, кто нарушил данный запрет [2, S. 134]). Вот почему величайшие памятники проделанной учеными антропологической работы становились известны гораздо позднее, и явление немецкой антропологии на сибирском материале, основным заказчиком которой выступала Россия, не было оценено в полном объеме.

Работа Георга Вильгельма Стеллера «Beschreibung von dem Lande Kamchatka» («Описание камчатской земли»), опубликованная после его смерти в 1774 г., во многих отношениях позволяет нам судить о том интересе, который ученые немцы проявляли к Сибири, и о направленности их исследований². Конечно, задачей Стеллера, участника экспедиции Витуса Беринга, было прежде всего изучение региона, расположенного между Камчаткой и Америкой, а опубликованные им впоследствии труды относятся скорее к жанру путевого очерка. И все же во многих отношениях он выходит далеко за пределы этого жанра. Территория Камчатки сначала им рассматривается с узко географической точки зрения: реки, источники, горы, климат, растительность постепенно провоцируют его на более широкие обобщения, от которых он переходит к вопросам социального характера, затронув также проблему русских «острогов», а уже от них перейдя к

2. Вспомним, что сам Лейбниц призывал к изучению Камчатки, предвосхищая тем самым исследования Стеллера и Мерка, проведенные по заданию Российской академии наук (см.: [2, S. 112]).

описанию ительменов. Стеллер задается вопросом о неясном происхождении населения, его религии, психологии, физической конституции, одежде, способах производства. Его интересует еда, праздники, семейная жизнь, воспитание детей, политическая организация общества, медицина, способы передвижения, торговля. Стеллер создает свой лексикон корякского устного языка, на котором говорят на севере Камчатки. Он с особым вниманием следит за перемещением населения. Он не только интересуется происхождением ительменов, отвергая тезис о возможности существования коренных народов как таковых, но и интересуется одновременно населением Америки. Он стремится показать, что американцы и есть кориаки (коряки): и те и другие используют один и тот же тип судов, имеют сходный тип внешности, пользуются сходными инструментами, носят похожую одежду, сходным образом разрисовывают себе лица, сходным образом делают подарки иностранцам, свидетельствующие об их мирных намерениях. В рассказах чукчей повествуется о том, что в Америке корякские пастухи пасут стада оленей и что расстояние от Камчатки до Америки или до Чукотского полуострова с американской стороны настолько мало, что благодаря другим островам, расположенным между ними, например, Алеутским, сообщение не представляет никакой сложности (см.: [13, S. 251–252]). Так что можно сказать, что теория Берингова пролива, сыгравшего решающую роль в истории заселения Америки, равно как и теория языковой и мифологической близости Сибири и Аляски, в зародыше уже присутствует у Стеллера.

Особое научное любопытство у немецких исследователей Сибири, которые были, как правило, лютеранского вероисповедания, вызывал религиозный вопрос, который они решали, однако, из европоцентристской перспективы. Так, Стеллер пытался всеми силами найти в космологии ительменов те элементы, которые можно было бы сопоставить с христианством. Вместе с тем Стеллер оставался внимательным и к самобытному характеру религии, исповедуемой ительменами, их представлениям о боге Кутхе и его власти. Ительмены не верят в предопределение, но только в человека и его удачу, полагая, что мир вечен и тела возродятся и воссоединятся с душами (см.: [13, S. 268]). В общении с ними Стеллер, со своей стороны, развивает мысль о том, что бедные станут в другом мире богатыми. Потусторонний мир представляется им, кроме того, неким подобием рая, в котором каждый найдет себе жену. Они верят также во всемирный потоп.

Некоторое сходство с христианской верой, которое Стеллеру позволили выявить беседы с местным населением, не исключало и противоположной интерпретации. Например, ительмены не хотят креститься, потому что в этом случае они, согласно христианским верованиям, попадут на небо, в то время как сами они предпочитают свой подземный рай. Для ительменов существует понятие греха. Но грех этот связан в основном с нарушением ритуальных запретов. Соскабливание снега с обуви за пределами дома при помощи ножа может вызвать бурю. Запрещено также варить в одном и том же сосуде мясо и рыбу (см.: [13, S. 274]).

Ительмены охотно толкуют сны. В давние-предавние времена, до того, как они были крещены, они были свободны, а после принятия христианства стали рабами у казаков. Стеллер полагает религию одним из важнейших факторов этнической самобытности.

Религиозная практика, которая более всего привлекает внимание немецких ученых в Сибири, — это шаманизм. Как люди эпохи Просвещения, они видят в шаманизме суеверие, способ обманывать людей, обладающих некрепкой психикой. Вместе с тем они охотно сравнивают шаманов с актерами, играющими одновременно различные роли в постановке, которую можно было бы сравнить с театром саами на севере Европы или индейцев Америки. Миллер, например, провел немало времени в беседах с шаманами. Важными элементами их верований, на которые он обращает особое внимание, является представление о духе места и обожествление природы, искусству которого поддались даже самые простые сибирские жители (см.: [6, S. 259]).

Гмелин описывает свою встречу с тунгусским шаманом, который ведет его ночью на лоно природы, раздевается, затем надевает на себя костюм шамана, к которому подвешены разнообразные металлические предметы. Он начинает свой бег по кругу, изображая тем самым, будто становится рупором некоего духа. Войдя в транс, он отвечает на вопросы, которые задаются при его посредничестве духу. Однако Гмелина весь этот спектакль не слишком убеждает: «В конце концов, мы снова утвердились во мнении, что все это было обманом, и нам бы хотелось отправить его и его нечестивых собратьев в Аргунские серебряные рудники, где они были бы осуждены на вечные работы» [3, p. 170].

К югу от озера Байкал Гмелин столкнулся со смешанным населением монголов и тунгусов, у которых шаманизм естественно сочетается с ламаи-

змом: «В самых важных и сложных ситуациях они прибегают к шаманам. Когда они больны, то обращаются скорее к монгольским ламам, которые в этих случаях обращают в свою веру немало неофитов» [3, р. 178].

Гмелин особо отмечает монгольский ламаизм бурят, которые, говоря на одном из монгольских языков, оказываются особенно восприимчивыми к монгольскому буддизму. Гмелин долго беседовал с одним ламаистским монахом, который объяснил ему, что у тибетцев шаманы тоже есть, но у них они занимают более низкое положение, чем монахи, буряты же остаются язычниками, лишь частично обращенными в монотеистическую религию [3, р. 174–175].

Чуть позже Карл Генрих Мерк станет описывать трансы чукотских шаманов, бьющих в барабаны, впадающих в состояние экстаза, наносящих себе травмы, утверждающих, что они обладают силой, способной излечить болезни и предсказать будущее, но при этом без тени сомнения организуют ритуал так, чтобы обратившийся к ним человек пожертвовал лучшего оленя из своего стада (см.: [7, S. 233]). Чукотские шаманы не носят особого костюма, но разрисовывают себе лицо. Их камлание призвано предсказать исход охоты, а когда великий шаман умирает, в местности появляется огненный столп [7, S. 247].

С религиозными практиками якутов Гмелин знакомится, рассматривая внушительные деревянные куклы — якутских идолов, напоминающих ему немецкие скульптуры, что позволяет ему сделать вывод о внутренней связи этих двух традиций [7, S. 224–225]. Позже Мерк увидит этих деревянных идолов у чукотских пастухов, которые возят их с собой на кочевье. Он уточняет, что они сделаны из ветвей, имеющих форму ног, и приводит слова на чукотском языке, обозначающие различных идолов. На берегах реки Китой близ Иркутска Миллер и Гмелин совместно присутствовали при экстатическом ритуале местных жриц, бывших деревянными палочками в барабаны, издававших странные звуки, размахивавших металлическими предметами, украшавшими их кожаные платья, причудливо жестикулировавших, беря в руки горящие угли. В глазах немецких наблюдателей это была своего рода комедия, в отношении которой они проявили немалый скептицизм, но детали которой показались им все же интересными [7, S. 256–257]. Также в окрестностях Иркутска Гмелин наблюдает за тем, как бурятские языческие жрецы заклинают восход солнца березовой ветвью, а

затем, в соответствии с четко предписанным ритуалом, приносят в жертву овцу, которую после полагается съесть [7, S. 248–249]. У якутов овцу заменяет жертвоприношение теленка, которое также наблюдает Гмелин: «Он (жрец) собрал немного крови и нарисовал три бесформанных лица на стволе сосны — так, как обыкновенно рисуют лица дети: удлинённый овал, два круга, служащих для изображения глаз, длинная черта посередине, изображающая нос, и горизонтальная черта для рта. Затем либо шаман, либо сами якуты снимают с теленка кожу. Закончив это действие, они растягивают тушу на раме, помещенной на четыре опоры и отстоящей от поверхности земли на высоте одной руки. Тут же мясо измельчается, кости дробятся; кто-то сжимает желудок и внутренности заколотого теленка, чтобы извлечь из них немного сока» [7, S. 227].

Других шаманов Гмелин обнаруживает между Абаканом и Красноярском. Но и здесь он выражает самый большой скептицизм. Власть шаманов кажется ему вполне объяснимой. И тем не менее интерес к деталям одежды, перегруженной металлическими украшениями, украшенной конской гривой и красными шерстяными пластинами, внимание к вопросу о том, как шаман передает свой дар и свою власть наследнику, интерес к характеру движений и прыжков, совершаемых в трансе, к выпускаемым шаманами крикам и шумам, к степени участия в действе зрителей, — все это показывает, что Гмелин, даже если он не понимал и ставил под сомнение целесообразность подобных религиозных практик, все же признавал их важность для живущих в этих краях людей [7, S. 292–293]. Во всяком случае, как только он прибывал в какое-то место в Сибири, например в Красноярск, разговор с местными шаманами был для него приоритетным [7, S. 299].

Религия интересовала немецких исследователей потому, что она отвечала самому принципу организации человеческой жизни, даже если в ее основе не лежала метафизика и даже если она не имела свое Священное писание. Переход от теологии к религиозной антропологии характерен для того типа анализа, который осуждает суеверия, но выявляет одновременно новые возможные формы социальной организации.

Пространство природное и пространство иных религиозных практик, Сибирь для немецких путешественников и странствующих академиков являла собой особого рода лингвистическое пространство. Вопрос о языках не связывался в их сознании с потребностью евангелизации, как это было,

например, в городе Галле (Халле), ставшем одним из древнейших европейских центров по изучению восточных языков. Но даже если этот фон и присутствовал, то все они были убеждены, что следует сначала изучить мир во всей его неоднозначности. Лингвистические же исследования просвещенных ученых, выходцев из немецких университетов, свидетельствуют скорее о попытках заново написать всемирную историю.

Каталогом языков поначалу считался «Митридат» Иоганна Кристофа Аделунга, первый языковой справочник, учитывавший максимальное количество языков. Однако со временем стало высказываться и недоверие к возможности использования в качестве объекта сравнения переводов на все возможные языки «Отче наш», и начался поиск словаря, который наряду с Богом включал бы в себя также и дьявола, и небо, и ад. Первым языком, с которым сталкивались немцы на русской службе, был русский язык. Для переговоров с различными представителями российской администрации в Сибири Миллер и Гмелин первоначально прибегают к переводчику. Илья Яхонтов, который поначалу помогал Миллеру в публикации его научных работ в Санкт-Петербургской Академии и даже сопровождал его в Сибирь [6, S. 299], проявлял особый интерес к лексическим соответствиям между русским и немецким языками. Когда в 1739 г. Яхонтов умирает, Гмелин сочиняет род надгробной речи: «Мы полностью могли полагаться на этого человека во всех наших переводах... Покойного высоко ценили как его соотечественники, так и немцы. Все хорошо ладили с ним, и потому он прекрасно знал о деятельности каждого» [4, S. 274]. Гмелину и Миллеру предложили другого переводчика на замену, однако после смерти Яхонтова они начали уже сами изъясняться на русском языке, а Миллер к тому же начал работать в сибирских архивах.

Многочисленны были языки, которые немецкие ученые открывали для себя в Сибири, упоминания о них в самых разных контекстах пронизывают их путевые заметки. Гмелин, например, приводит слова, обозначающие растения, которые охотно употребляют в еду якуты. Мерк составляет список из 250 слов языка юкагиров или, скорее, одной из разновидностей этого языка, который исчезнет в конце XVIII в., так что словарь, составленный немецким путешественником, станет последним ему памятником [7, S. 98].

Элементы этого языка, заимствованные из списка, составленного Мерком, включены были в «Митридат» Аделунга. Внимание Мерка к язы-

кам определялось вовсе не желанием установить их самобытность, подчеркнув существующие между ними различия. Напротив, его волновала возможность сближения языков, которое он рассматривал как свидетельство той общей истории, которую имели, казалось бы, совершенно различные между собой этнические группы; он стремился вскрыть их изначальное родство и также те заимствования, которые между ними имели место. Он интересовался различием, но также и сходством, открывавшимся между языком чукчей и языком кориаков, что влекло за собой внимательное изучение им этнических групп — дело, которое он начал одним из первых [7, S. 23].

Для проведения подобного рода лингвистических исследований все же требовалась помощь переводчика, способного установить связи между сибирскими и русским языками. Собираание лексем представляется делом все более амбициозным. В Красноярске Гмелин встретился с бурятами; он стремился понять не только их язык, но и их литературу (фольклор). «Поскольку у меня был рядом переводчик, знающий языки здешних народов, а также и бурятский язык, мне пришла в голову мысль попытаться узнать, как возникала также и музыка, и поэзия у этих народов, и насколько, своими пристрастиями, они отличаются от народов, нам более известных» [4, S. 304]. От теории Гмелин переходит к практике, воспроизводя, с подстрочным переводом, текст песен на одном из бурятских диалектов и на тюркском языке, на котором говорили в районе Абакана.

В данном случае мы имеем дело с первыми записями текстов на рассматриваемых языках. Сбор языковых данных идет параллельно с этномузыкологическим описанием, так как Гмелин записывает также и мелодии песен. Так первые путешественники уже предвосхищают то, что будет делать впоследствии первый профессиональный тюрколог Радлов, еще один российский немец, оказавшийся в России столетие спустя [4, S. 305–306]. Недавно опубликованный способом facsimile глоссарий Мерка, сохраненный Петром Симоном Палласом, а затем оказавшийся в документах Аделунга в Санкт-Петербурге, является важным вкладом в изучение семантики северо-восточных сибирских языков и, в частности, языков юкагиров, чукчей и кориаков. Каждый раз в синоптических таблицах представленными оказываются сразу несколько диалектов. Жена Мерка, которая сама была родом из Якутска, говорила на юкагирском языке, и потому своим знанием восточносибирских языков Мерк был обязан также и этим обстоя-

ятельствам сугубо биографического свойства [7, S. 38]. Взаимодействие Гмелина, Мерка, Палласа и Миллера в области лингвистических описаний, их способ работы, в основе которой лежала сходная методология, создает впечатление, что мы имеем дело с подлинной немецкой лабораторией по изучению Сибири.

Среди немецких исследований XVIII в., посвященных сибирским языкам, следует еще раз упомянуть о работе Стеллера, посвященной камчатским ительменам. И он также воспроизводит, вместе с нотной записью мелодии, которую исполняли на флейте, две песни, посвященные мифическому животному, утке Аангич. Благодаря этому мы имеем два текста на языке ительменов из двух разных регионов. Но Стеллер на этом не останавливается, ему еще важно указать тот контекст, в котором надо рассматривать его записи. Он наблюдал, например, за ритуальными обрядами оскорблениями. Собака, лиса, лесной дьявол, падаль также фигурируют среди слов ительменского языка. Он пытается объяснить этимологию названий месяцев: «Январь они называют “сюсакоач”; “сюсак” значит “не тронь меня”, *poli me tangere*. Считается большим грехом пить в этот месяц воду из ключей или ручьев непосредственно ртом или при помощи полых стеблей растений, почему необходимо для этого держать при себе большие деревянные ложки или чашки. Настоящая причина тут, конечно, в том, что ительмены тогда отмораживают себе на сильном холоде губы. <...> Для марта у них есть название “адуюкоач” от слова “ада”, которым обозначается дымовое отверстие на верху юрты: в марте обычно снег около этого дымохода начинает оттаивать и показывается земля» [13, S. 360].

Изучение языковых особенностей уже предвещает антропологический подход. Стеллер составил словарь, включающий в себя нескольких сотен слов на корякском языке, на котором говорило население в регионе, расположенном между двумя селениями — Туманой и Акланом («*Wörterbuch der üblichen Sprache der Korjaken, von Tumana bis Aklan*»). Выбирая из различных не нормативных диалектов слова, Стеллер действовал как лингвист, работающий на малоисследованной территории, искусственно создавая при этом элементы нормативного, «классического» языка.

И здесь также отбор слов позволяет понять социальную структуру общества, не случайно для обозначения отца жены и отца мужа (на немецком языке — *Schwiegervater*) имеются различные обозначения. Человеческое

тело, животные, растения, быт, время и его течение — все это имеет свое обозначение в словаре ительменов, Стеллер приводит также некоторые глагольные формы, в том числе и примеры спряжения глаголов. Лингвистика здесь явно оказывается на службе у антропологии. Уместно вспомнить, что Стеллер был современником Гердера, который в своем собрании народных песен рассматривал переводы иностранных песен как зеркало, в котором отражается дух народов, а в статье о происхождении языка демонстрировал сам процесс зарождения и формирования мысли.

Транскрибирование слов сибирских языков латинскими буквами, предшествовавшее их транскрипции кириллицей, когда в отношении монгольских языков игнорировался традиционный монгольский алфавит, уже само по себе является феноменом культурного переноса (трансфера), подготовленного лингвистическими изысканиями немецких путешественников эпохи Просвещения.

Религиозные практики не ограничиваются ритуалами, она включают в себя также легендарные рассказы, которые во многих отношениях также могут отражать социальную жизнь соответствующих групп. Стеллер, пожалуй, наиболее подробно исследовал космогоническую мифологию ительменов. Их главный Бог — создатель неба и земли, зовется Кутх. Но они считают его большим глупцом и «именно потому недостойным поклонения» [13, S. 253]. Если бы он был умен, он не создал бы такого сложного рельефа Камчатки. Однако Кутх взял себе в жены женщину большого ума, которая исправляла совершаемые им ошибки. У них были дети, которые и стали дальними предками ительменов.

В космогонической вселенной ительменов все зависит от людей. Мир вечен, и люди оживут в плоти своей. Вместо откровения священных писаний у ительменов мы имеем свидетельство самого первого ительмена, вернувшегося из подземного мира: «Есть в подземном мире, куда мы все переносимся с нашими душой и телом после смерти, великий и могущественный ительмен по имени Хаэч; это один из первых детей Кутха и первый человек, умерший на Камчатке»; «Он долго проживал в полном одиночестве в подземном мире, пока не умерли также обе оставшиеся после него дочери и не ожили снова у него. Тогда Хаэч решил вернуться в верхний, надземный мир и подробно сообщить своим братьям о том, что происходит в преисподней с человеком после его смерти» [13, S. 271]. «Величайшим и лучшим счастьем

ем, какое только может выпасть на долю человека после его смерти, это, по мнению ительменов, когда его пожирают прекрасные собаки, ибо это гарантирует ему владение ими в подземном мире». «Не желающие принять крещение старики-ительмены возражают против него указанием на то, что в таком случае им придется, наверное, попасть на небо, что звучит, конечно, очень самонадеянно и весьма высокомерно. Они говорят, что охотнее удалятся под поверхность земли» и предпочитают отправиться к своим предкам [13, S. 271].

Стеллер пытается реконструировать весь комплекс мифов, объясняющих мирозерцание народа, определяющих особенности их повседневной жизни. В методологическом отношении он относится к тем исследователям, которые наиболее корректно и научно анализируют мифологические верования встреченных им популяций. Но он был не единственным. Гмелин также описывал мифы, связывая их с народной жизнью. В Сибири находят кости уже вымерших на земле животных, сохранившиеся в виде окаменелостей. В частности, речь идет о роге нарвала, которому Гмелин сразу же дает мифологическое объяснение: «Возможно, это был рог единорога, о котором неоднократно говорило и Священное Писание, приписывая ему удивительную силу, недаром Моисей говорит о Боге, силы которого равны силе единорога» [4, S. 267]. Объясняя кочевье якутов, Гмелин ссылается на древнюю якутскую легенду, согласно которой их предки пришли с верховьев Лены, откуда их выгнали буряты, после чего они со своим скотом привязали себя к плотам и плыли таким образом по воде, потом же поселились около Якутска. Так мифы и рассказы служат объяснением происхождения и судьбы народов.

Путешественники и исследователи XVIII в. не слишком интересовались наиболее характерной формой легендарных историй, связанных со знаменитыми эпопеями тюркских народов. Но и их открытие впоследствии было обязано немецкому присутствию в Сибири, поскольку именно немец Радлов собрал и издал сибирский эпос, став, как уже упоминалось выше, одним из основателей тюркологии. Радлов, который учился в Йене, применил методы немецкой филологии и гердеровский опыт издания народных песен к сибирскому материалу. Его труд, посвященный якутскому языку, демонстрирует тесную связь между лингвистикой и антропологией, существующую в немецком подходе к изучению жизни сибирских народов. При

этом подход самого Радлова оказывается шире и радикальнее, чем у немцев, исследовавших Сибирь в XVIII в.³

Продолжая тему, вспомним в этой связи о германисте Викторе Жирмунском, бывшем к тому же еще и биографом Гердера. Прекрасный знаток средневекового германского эпоса, Жирмунский, возможно, был особенно предрасположен к изучению эпоса Центральной Азии и Сибири в период своего вынужденного пребывания в Ташкенте во время Второй мировой войны, связав эту устную поэзию с гомеровской традицией. В особенности его интересовал киргизский след, обнаруживаемый в тюркском эпосе. И все же можно усмотреть преемственность, существующую между немецкими исследованиями Сибири в XVIII в. и антропологическим компаративизмом и сравнительным литературоведением, представителем которых был Жирмунский. Об этой преемственности уже писал, в частности, Марк Азадовский в своей истории русской фольклористики [1].

М.К. Азадовский сам был родом из Иркутска, работал там в 1923–1930 гг., заведя кафедрой русской литературы, издавал этнографический журнал «Сибирская живая старина» и занимался в особенности изучением сибирской библиографии, придерживаясь мнения о том, что изучение русского фольклора есть дело одновременно литературоведа и этнографа. Для Азадовского, который охотно ссылался в этом смысле на опыт декабристов, фольклорные исследования не должны были ограничиваться чистым собирательством, которое практиковалось в немецкой традиции, но проливать свет на те формы жизни, которые отражает фольклор в его постоянной эволюции. Эту идею исторического процесса в действии Азадовский находит уже у Гердера, но в особенности она оказывается дорога русским авторам, связанным с декабристским движением.

И все же интеллектуальный инструментарий, который позволяет Азадовскому динамически осмыслить само понятие «народности», оказывается родственен тому, что утверждалось в немецкой гуманитарной науке XIX в. начиная с Гердера, Бенфея и затем у Штейнтеля и Лазаруса. Способность фольклора свидетельствовать о движении истории оказывается центральной в его исследованиях. Поэтическое сознание, показывает он,

3 В своем журнале, который он вел в Сибири [10], Радлов детально описывает, как происходило изучение Телецкого озера и его окрестностей. До него балтийский немец, геолог Грегор фон Хельмерсен, уже описал этот регион [5].

развивается параллельно эволюции общественного сознания, которое оно и выражает. Благодаря Азадовскому, к которому апеллирует Жирмунский, сам будучи наследником исторической поэтики Веселовского, сибирский фольклор оказался осмыслен как важный составляющий элемент культурной и литературной идентичности России.

Антропологические исследования немецких ученых, сосредоточенные на религиозных и языковых аспектах жизни сибирских народов, затрагивали вместе с тем различные аспекты также и материальной и социальной жизни. Сближаясь нередко с жанром путевых заметок, они воссоздавали сложную картину жизни народностей и сообществ в их взаимодействии с соседними сообществами. Для нас же важен даже не столько детальный анализ социальных практик, различных у разных этнических групп, сколько трезвый подход немецких ученых, изучающих встречающиеся им этносы как естественно связанные между собой и в которых не следует видеть нечто по определению низшее по сравнению с высоким миром немецкой университетской профессуры. Открытие Сибири приводило тем самым к новому пониманию мира.

Антропология как наука утверждается в эпоху Просвещения усилиями немецких ученых, отправлявшихся в странствия по Сибири. Последнее заставляет нас задуматься об интеллектуальных предпосылках этого явления, о системе преподавания в немецких университетах эпохи Просвещения, об интеллектуальном климате, на который существенное влияние оказал, среди прочего, Гердер, т. е. на все то, что определяло деятельность участников сибирских экспедиций. Некоторые университеты, такие как Гёттинген, где развивалась идея всемирной истории, объединяющей многообразие народов мира, оказались в особенности вписанными в «приключение» русского Востока. Немцы, описывавшие Сибирь, состояли не только на службе у Российского государства, которое вынуждало их хранить в тайне добытые в ходе экспедиций результаты, но, метафорически выражаясь, также и на службе историографии, подпитывавшей их проект. Речь шла об открытии исторического фундамента Империи, об этногенезе, способном интегрировать необъятное и мало дотоле известное пространство Сибири. В то время как в России, по меньшей степени с Петровских времен, доминировало западничество, немецкое открытие сибирских корней России оказалось вписанным в иную перспективу — русской культуры, сохраняющей древние отношения с восточными культурами.

Вспомним в этой связи труды историка Льва Гумилева, посвященные степным народам, вспомним в более общем плане и о традициях русского евразийства. И в этом контексте можно утверждать, что вопросы о заселении Америки пришедшими из Сибири народностями, об особом видении мира, сформированном под влиянием шаманизма, о взаимоотношениях России с Китаем и Монголией занимали немецких ученых уже в XVIII в. И наследие это ощутимо еще и в веке двадцатом.

Перевод Екатерины Дмитриевой

Список литературы

- 1 *Азадовский М.К.* История русской фольклористики: в 2 т. М.: РГГУ, 2013. 978 с.
- 2 *Dahlmann D.* Sibirien vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn: Schöningh, 2009. 435 S.
- 3 *Forsyth J.* A history of the peoples of Siberia. Russia's North Asian Colony, Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 455 p.
- 4 *Gmelin J.G.* Expedition ins unbekannte Sibirien. Sigmaringen: Thorbecke, 1999. 454 S.
- 5 *Helmersen G. von.* Reise nach dem Altai. Sankt Petersburg: Akademie der Wissenschaften, 1848. 287 S.
- 6 *Hoffmann P.* Gerhard Friedrich Müller (1705–1783). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. 393 S.
- 7 *Merck C.H.* Das sibirisch-amerikanische Tagebuch aus den Jahren 1788–1791. Göttingen: Wallstein, 2009. 413 S.
- 8 *Merck C.H.* «Beschreibung der Tschuktschi, von ihren Gebräuchen und Lebensart» sowie weitere Berichte und Materialien. Göttingen: Wallstein, 2014. 552 S.
- 9 *Pallas P.S.* Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reiches. Zweyter Theil. Sankt Petersburg: Kayserliche Akademie der Wissenschaften, 1773. 744 S.
- 10 *Radloff W.* Aus Sibirien-Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Leipzig: Weigel Nachfolger, 1893. 536 S.
- 11 *Tchinag G.* Mein Altai. München: Al Verlag, 2006.
- 12 *Vermeulen H.* Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment. Lincoln: University of Nebraska Press, 2015. 718 p.
- 13 *Steller G.W.* Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt; Leipzig: Johann Georg Fleischer, 1774. 384 S.

References

- 1 Azadovskij M.K. *Istorija russkoj folkloristiki: v 2 t.* [The History of Russian Folklore Studies: in 2 vols.]. Moscow, RGGU Publ., 2013. 978 p. (In Russ.)
- 2 Dahlmann D. *Sibirien vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart.* Paderborn, Schöningh, 2009. 435 S. (In German)
- 3 Forsyth J. *A history of the peoples of Siberia. Russia's North Asian Colony.* Cambridge, Cambridge University Press, 1992. 455 p. (In English)
- 4 Gmelin J.G. *Expedition ins unbekannte Sibirien.* Sigmaringen, Thorbecke, 1999. 454 S. (In German)
- 5 Helmersen G. von. *Reise nach dem Altai.* St. Petersburg, Akademie der Wissenschaften, 1848. 287 S. (In German)
- 6 Hoffmann P. *Gerhard Friedrich Müller (1705–1783).* Frankfurt am Main, Peter Lang, 2005. 393 S. (In German)
- 7 Merck C.H. *Das sibirisch-amerikanische Tagebuch aus den Jahren 1788–1791.* Göttingen, Wallstein, 2009. 413 S. (In German)
- 8 Merck C.H. *“Beschreibung der Tschuktschi, von ihren Gebräuchen und Lebensart” sowie weitere Berichte und Materialien.* Göttingen, Wallstein, 2014. 552 S. (In German)
- 9 Pallas P.S. *Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reiches. Zweyter Theil.* St. Petersburg, Kayserliche Akademie der Wissenschaften, 1773. 744 S. (In German)
- 10 Radloff W. *Aus Sibirien-Lose Blätter aus meinem Tagebuche.* Leipzig, Weigel Nachfolger, 1893. 536 S. (In German)
- 11 Tchinag G. *Mein Altai.* München, Al Verlag, 2006. (In German)
- 12 Vermeulen H. *Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment.* Lincoln, University of Nebraska Press, 2015. 718 S. (In German)
- 13 Steller G.W. *Beschreibung von dem Lande Kamtschatka.* Frankfurt; Leipzig, Johann Georg Fleischer, 1774. 384 S. (In German)